

АУЭЗХАН КОДАР

Поэт, прозаик, культуролог, публицист, переводчик казахской национальной классики, кандидат философских наук, академик Народной Академии Казахстана «Экология»

Родился в 1958 г. в пос. Джусалы Кызылординской области. Окончил юридический факультет КазГУ им. С. М. Кирова. Билингвист, пишет на казахском и русском языках. Поэтические сборники Кодара переведены на английский и корейский языки. За крупный вклад в государственную программу «Культурное наследие» награждён орденом «Парасат», лауреат международной литературной премии тюркского мира «Алаш».

МИСС НОЛЬ

Совершенномудрая мисс Ноль
Вошла в мою жизнь
С этих пор, когда
Я, что ни день, меняю очки,
Не находя нужной диоптрии.
Она утверждает, что лучший цвет — белый.
И не нужно оттенков,
Поскольку они умножают соблазны.

Её голос еле слышен в ночи,
А вместо плеч её я ловлю пустоту.

Когда спорю с кем-нибудь
До боли в затылке,
Она посыпает мне голову пеплом,
И ведёт в пустыню,
Где богом и людьми забытый дервиш
Стал частью пейзажа.
А вокруг валяются трупы волчат,
Подохших от голода.

* * *

Сумасбродная мисс Ноль
 Ходит на тоненьких шпильках,
 Оставляя следы дырокола
 На девственном папирусе асфальта.
 Но кому нужно это бесконечное досье,
 На котором ни буквы, ни иероглифа?
 Приходится констатировать исчезновение текста.
 Нечего интерпретировать.
 Игра значений изничтожилась
 Под каблуками мисс Ноль.

Главное, нет адресата.
 Только мёртвый глаз старухи-луны,
 И ничего не выражающие ягодицы мисс Ноль.

* * *

Моя госпожа, мисс Ноль,
 Рыжей лисицей прячется в осени.
 Небо и память...
 Верней, невозможность припомнить, объять.
 Тяжёлое чувство немочи мысли,
 Вынужденное сопричастие
 К царству ложных эффектов.
 Возможно, я тот, кто склонен
 К излишней аффектации.
 А мою подругу зовут Зеро.
 Существо без сущности.
 Длинные ноги,
 Шагающие в никуда.

Полог забвения беспросветнее ночи,
 В нём нет даже звёзд.
 Он чернее квадрата Каабы, —
 Твой вечный опекун и тюремщик.

Как одинок ты в этом зиндане?!
 Только зренье твоё, увы, бесполезное.
 Только губы, забывшие о поцелуях;
 Только усилие слуха;
 Только кожа в пупырышках жалких
 И безграничная возможность дышать,
 Как и всегда, при тебе.
 Как богат ты с телом своим,
 Соперником ночи и холода.

* * *

Мисс Ноль, предел понимания.
 Стройная, как единица,
 Она по ту сторону жизни и смерти.
 Она — Харон, сжегший стигийскую лодку,
 Она — Орфей, забывший о Персефоне,
 Она — «красный кирпич», знак запрета,
 Тропа, обрывающаяся в пропасть.
 Я жму на тормоз и поворачиваю обратно,
 Но и там я вижу мисс Ноль,
 Задорную, как стих Пастернака.

* * *

Мисс Ноль, чистый лист бумаги,
 Новая страница истории,
 Где историй сколько угодно,
 А страницы все напрочь пикантны,
 А бумага — лишь туалетная,
 Но и в ней обитают Боги.

* * *

Мисс Ноль, это артель — напрасный труд.
 Она пишет стихи,
 Переводит поэмы английских авторов,
 Создала свой веб-сайт,

На который никто не ходит.
 Недавно её стихи похвалил
 Оживший именно для этого случая Иосиф Бродский.
 Говорят, он хлестал коньяк
 И хватался за сердце,
 А она хваталась за него,
 Как за соломинку.
 Но назавтра он исчез, и, кажется, навсегда.
 А наши кумысные патриоты предпочитают читать
 Миссис Десять Тысяч,
 Хотя легче прочесть Гомера, Гесиода и Овидия вместе взятых.
 Там хоть исполнишь пробелы пушкинского легкомыслия,
 А у Миссис — ничего кроме пробелов.
 Они самое светлое воспоминание от её текста.
 Это — единственный казус,
 Где чтение — напрасный труд.
 А что касается мисс Ноль,
 Её приятно касаться.

* * *

Мисс Ноль, моя подруга,
 Или друг,
 Точнее, милый андрогин,
 Чья цельность равна её отсутствию,
 Вернее, вечному круговороту
 Незакатного «Сегодня».
 А я — господин Ничто,
 Существующий прежде и после,
 Но никогда в настоящем.
 Я обнимаю всё и прохожу через всё,
 Словно стержень и овал,
 Причина вала и обвала.
 Я — уничтожитель генетического кода,
 Письма и Писания.
 Я тот, кто сзади, но не позади.
 Я — морская волна, бьющаяся об утёс
 И жующая одно и то же,
 Стойкий минерал бытия,
 Не стачиваемый за тысячелетия.

Я — Одно, бьющееся о Дно.
Я — высота, да не та.
Суета сует и всяческая суета.

* * *

Приют усталого раба — кирпичного цвета.
Снаружи он похож на замок,
Точнее, благодаря мансарде,
На маленький Париж
В запущенном саду из яблонь и орешника.
С бассейном из страны чудес,
Где Алиса всегда или больше, или меньше, чем есть,
Как и всё, что её окружает.
Есть у нас и запретная территория,
Это подвал, где есть подземный ход к самому Багдаду,
Логову змеиного царя,
Пленённого ныне Кучерявым техасцем,
Самым крутым из всех ковбоев.
Что сказать ещё о моём оазисе?
Там часто слышен звонкий безудержный хохот,
Это смеётся моё сокровище, моя Алиса.
Смех и лазанье по деревьям —
Её способы познания мира.
Она беспечно прыгает с ветки на ветку,
А я каждый раз волнуюсь,
Чтобы её не поймали ловцы чужих снов
И гасители чужой радости,
Ковбои из Беслана или Техаса.
Моя обитель — вдали от обеих столиц,
И вообще, от столиц всего мира.
Здесь очень тихо, здесь настолько тихо,
Что тишина опрокидывает в себя
И начинаешь многое слышать,
Слышать и понимать.
Здесь я долго ворочаюсь,
Не могу заснуть.
Вот тогда и рождаются стихи,
Такие, как это, судороги ночного сознания,
Кардиограмма, оформлённая в текст.

* * *

Мисс Ноль — роса,
Я — слеза.
В чём разница между нами?
В послании этому миру?
Быть может, она — начало послания,
А я — её завершение?
Роса — это слёзы без горечи,
Слёзы — роса из бутона души.
Они оба — не любители дневного света
и посторонних глаз.
Они оба из одного алмазного состава.
Путь вверх и вниз один и тот же.
Влага она и есть влага.
Она — одна.

* * *

Когда астеник попадает к хтоникам —
Это ошибка.
Это враждебные взгляды в спину,
Холодные, как укол шилом,
Растянутый в бесконечность.
Не только вампиров убивают ударом в сердце,
Чаще всего так убивают вампиры.
Высосут всю кровь, а потом ещё и пришьют.
Так, для верности, для посмертного гербария.
Одному — неприютно,
Но с ними — ещё неприютней.
И только мисс Ноль меня понимает,
Как понимала бы смерть.